

Иван Иванович Панаев

**Спальня светской
женщины**

Иван Панаев

Спальня светской женщины

«Public Domain»

1834

Панаев И. И.

Спальня светской женщины / И. И. Панаев — «Public Domain»,
1834

«Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ сутился толпами пѣшеходцевъ, гремѣль скачущиихъ экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ...»

Содержание

I.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Иван Иванович Панаев

Спальня свѣтской женщины

(Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ.)

Посвящается В. И. Панаеву

I.

Что жъ сердце юноши трепещетъ?

Какой заботой онъ томимъ?

Александръ Пушкинъ.

Въ свѣтлый и теплый день апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущиими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно-русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, произительные крики форейторовъ, карканье разнозчиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ флѣйты, возвѣщавшіе окончаніе развода, – все это съ перваго взгляда очаровывало зрѣніе и пріятно отзывалось въ ухахъ новопріѣзжаго провинціала, было такъ привычно слуху безсмѣннаго жителя столицы...

«Пади! пади!» – грозно кричалъ плечистый и длиннородый кучеръ, ловко управлявшій парюю статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отдѣланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой человѣкъ, къ которому относилось это громозвучное *пади*, будто окаменѣлый, стоялъ посреди улицы. Стремительный бѣгъ коней угрожалъ ему рѣшительной гибелью, – одна минута – и онъ былъ бы раздавленъ, какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ ироническою улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

– Что съ тобою, Громекинъ? тебя, милый, раздавятъ, – сказалъ онъ дружески молодому человѣку, подводя его къ тротуару. – Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинетѣ.

Тотъ будто очнулся отъ сновидѣнія, протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнесъ ни слова, крѣпко сжалъ ему руку и исчезъ въ толпѣ...

Съ перваго взгляда этотъ молодой человѣкъ не былъ замѣчательнъ. Довольно мѣшковатая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, смѣшной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую тѣнь на лицо. Походка его была скоро, связана неловкостью и не рассчитана модою. Но если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, пробѣжавъ до своей скромной квартиры, на углу Итальянской улицы, съ быстротою помѣшаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, – о! васъ вѣрно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, несмотря на то, что онъ выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

– Это опять *она!* – произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ человѣкъ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

– Это опять *она!* – повторялъ онъ – и черные глаза его сверкали ослѣпительнымъ заревомъ страсти, и длинныя кудри темныхъ волосъ его распались въ завидномъ безпорядкѣ....

Ему было не болѣе 20-ти лѣтъ!..

Читатели вѣрно не удивятся, если узнаютъ, что поразило его до такого окаменѣнія и едва не подвергло безвременной смерти. То была, говоря изобрѣтательнымъ языкомъ свѣт-

скаго челоуѣка, очаровательная, какъ поцѣлуй, соблазнительная, какъ грѣхъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва отѣненная легкою блондою шляпки и граціозно высунувшаяся изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юношѣ, какъ роскошное сновидѣніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!..

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провелъ онъ весь этотъ день; а ночь утопалъ въ волнистой, усладительной грезѣ или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца... То передъ нимъ разстился необозримый садъ съ невиданною роскошью цвѣтовъ, между коими была всѣхъ привлекательнѣе, всѣхъ душистѣе пышная роза. Онъ хотѣлъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, – и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомкою, идеаломъ души его... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибели – и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трунъ женщины. И эта женщина была все *она*, она, далекая отъ него, не вѣдавшая объ немъ, но такъ давно знакомая его расплявшемуся воображенію! она, – поэтическая греза его фантазіи, вырывавшейся на свободу. Она, – божество, передъ которымъ, колѣнопреклоненный, онъ залепеталъ первую гармоническую молитву!..

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей повѣсти и перейдемъ къ наружному, въ нетерпѣннѣй короче познакомимъ съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не зналъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могутъ чувствовать вполнѣ муки этой потери. Порой, какъ сквозь фату сновидѣнія, мелькалъ передъ нимъ легкой тѣнью образъ его матери, простирившей къ нему съ любовью руки; порой съ неизъяснимою прелестью рисовались передъ нимъ сцены изъ его дѣтской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея сѣдые волосы, съ чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерываемой брюзгливымъ ворчаніемъ при спусканіи петель; портретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій обитыя пестрыми обоями стѣны гостиной, вмѣстѣ съ какими-то другими портретами, портретъ, который болѣе всѣхъ впечатлѣлся въ памяти юноши, потому что имъ пугали его дѣтское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей, и который замѣняли ему страханье трубочистомъ. Но воспоминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо пробѣгало по струнамъ его сердца, не извлекая полного потрясающаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ небольшомъ домикѣ небольшой деревни его матери, въ одномъ изъ уѣздовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ послѣ. Яркая, благодѣтельная, часто неумолимая память вполнѣ начала освѣщать его только съ пребыванія въ Петербургѣ. Его привезли туда 9-ти лѣтъ для того, чтобы опредѣлить въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не препопячаясь чиномъ титулярнаго совѣтника въ силу Указа, прямо быть произведену въ коллежскіе асессора, безъ рокового экзамена на 40-лѣтнемъ возрастѣ жизни; къ тому же, какія удивительныя привилегіи: прямо чинъ *10-го класса* при вступленіи въ службу!.. Это необъемлемо роскошная мысль для провинціальнаго чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полного курса наукъ по аттестату* казалось другимъ вѣчностію, ему – мгновеніемъ. Въ 16 лѣтъ, при громѣ музыки, при многочисленномъ собраніи посѣтителей, ему вручили аттестатъ – и распахнули передъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Пансіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полного дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *высочкой*, – онъ горько плакалъ!..

Одно изъ укорительныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ – было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставляли молодого челоуѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

– Что, у кого украсть? у кого выписать? – съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, неистовыя забавы дѣтства никогда не запутывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ нелюбимъ большею частию своихъ товарищей. – Лъстяха! – дразнили его нѣкоторые, – трусь! – кричали другіе... – Да онъ фискаль! – съ таинственностью прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титулами, которыми такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мірѣ, въ заманчивомъ мірѣ воображенія, который онъ населилъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, несбыточными въ сущности, образами. Съ этими образами онъ любовно сжился – и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ впоследствии смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!..

Несмотря на свою любовь къ одиночеству и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостью, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся черезъ края бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, – и этотъ одинъ безъ зова подаль ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій сыздѣтства, самодовольный знатностію своего рода, не упускавшій изъ виду мелкихъ блесковъ образованія и умѣвшій, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ безкорыстное стремленіе съ познанію науки, любившій гармонию поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты всѣ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгло одинокой струей изъ-за четырехъ угловъ домашней комнаты и, упавая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто высиживалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привилегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему-нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ силиющейся представить огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника какъ летучую звѣзду въ объятія необъемлимаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ во тьму преисподней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величій картины!

Школьная жизнь – это клубокъ нравственныхъ силъ человѣка, который со временемъ, по волѣ всемогущей судьбы – или развертываетъ вполнѣ безконечную нить свою, или останавливается на половинѣ, или иногда остается вовсе неразвернутымъ. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззавѣтно, съ улыбкой забавы, держитъ въ рукѣ этотъ клубокъ – и небрежно бросаетъ его съ большею или меньшею силою!

Куда же укатывается онь!

* * *

Бѣдные! мы съ трепетомъ безумнаго ожиданія, въ нетерпѣннїи юности, хотимъ, чтобы этотъ клубокъ катился вдаль, чтобы онъ развернулся скорѣе, и не заботимся, по какому направленію побѣжить онъ. Мы жаждемъ и ищемъ впечатлѣннїи, спѣшимъ мужать и въ раму 20-ти лѣтъ вмѣстить тяготу 40-лѣтней опытности.

Замѣтите: съ самыхъ юныхъ и несознательныхъ лѣтъ, начиная играть съ неизмѣримою книгою жизни и перебирая листы ея, мы невольно, если хотите, инстинктивно, останавливаемся на самыхъ заманчивыхъ главахъ этой книги. Слова: *дружба*, *любовь* – такъ утѣшительно ластятся около нашего воображенія, которое съ каждымъ днемъ раскрывается сильнѣй и сильнѣй; такъ манитъ наше любопытство, что мы уже начинаемъ мечтать объ осуществленіи этихъ словъ. Эти слова дѣлаются для насъ новыми игрушками – и мы съ жаромъ принимаемся обновлять ихъ: мы ищемъ друга, еще не понимая значенія сего слова и, кажется, находимъ его, создаемъ въ головѣ своей предметъ любви и обожаемъ его. Это забавная игра въ дружбу и любовь!

Въ школьной жизни вы встрѣтите всего человѣка въ миниатюрѣ, съ его честолюбіемъ, гордостью, самоотверженіемъ, эгоизмомъ. Отсюда проявленіе политической дѣятельности, заключенной въ четырехъ стѣнахъ классной комнаты; сила временщиковъ и низость льстецовъ, партїи, беспорядки и проч.

И все это, повторяю, не болѣе, какъ игра въ куклы!

Вѣрскій былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ временщиковъ – и его товарищи робко преклонялись предъ нимъ. Онъ былъ мускулистъ, силенъ и вмѣстѣ съ этимъ статенъ и ловокъ. Качества, почти несоединимыя и всего болѣе замѣчательныя въ лѣта развитїи... Сила всегда заставляетъ трепетать безсильныхъ, а тотъ, передъ кѣмъ мы трепещемъ, невольно дѣлается нашимъ идоломъ. Физическая сила – есть единственная аристократія пансіонскаго міра; другою въ немъ не существуетъ. Товарищи Вѣрскаго никогда не называли его графомъ, всегда силачомъ-Вѣрскимъ. – Дружба его была значительна, и сдѣлствїя такой дружбы благодѣтельны для Громскаго: его перестали дразнить нменемъ *поэта*; это имя придавали ему по-прежнему, но съ уваженіемъ, стали даже находить въ немъ множество другихъ достоинствъ, которыхъ не хотѣли замѣчать прежде, и съ гордостью присвоивать себѣ его рѣзкія, хотя часто опрометчивыя сужденія о предметахъ.

Поэтъ-Громскій и сплать-Вѣрскій были всегда вмѣстѣ: – и во время отраднхъ гуляній, и во время мимолетныхъ повторенїи, и въ классахъ на безконечныхъ и монотонныхъ лекціяхъ профессоровъ. Дружба ихъ не колебалась.

Оставалось полгода до ихъ выпуска.

Въ одинъ вечеръ послѣ ужина, въ половинѣ 10-го часа вечера. Громскій, одинокій и задумчивый, сидѣлъ въ классѣ. На длинномъ и высокомъ столѣ, окрашенномъ темно-зеленою краскою, стояла въ низкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ нагорѣвшая свѣча, едва освѣщая глубокую комнату. Въ послѣднее время дозорные взгляды товарищей начали подмѣчать, что Громскій какъ бы старался убѣгать своего друга, что онъ чаще прежняго уединялся и становился задумчивѣе. – Тихомолкомъ шли разные толки; вслухъ еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

– Что съ тобою, Викторъ? – безопасно произнесъ онъ, зѣвая... – Вотъ уже три недѣли, какъ не одинъ я замѣчаю въ тебѣ страшную перемену. Ужъ не грядущій ли экзамень заставляетъ тебя задумываться? Право, тебѣ нечего бояться тупой ферулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

– Ты слишкомъ мало знаешь меня, – возразилъ онъ, – иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же развѣ моя задумчивость диковинка? – развѣ

я въ первый разъ бѣгу отъ шума и зажимаю уши отъ пусторѣчья? Мнѣ можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: обокъ съ трудомъ долженъ я итти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Тебѣ извѣстно: *я бѣденъ!* я не имѣю имени въ свѣтѣ...

Александръ! я не могу думать ни о жирныхъ обѣдахъ, ни о знаменитыхъ покровителяхъ, ни о *блестящихъ друзьяхъ*... И, произнеся эги послѣднія слова, юноша устремилъ боязливые и пронизательные взоры на своего товарища.

– Вѣрно ты всѣ эти дни вставалъ лѣвой ногой съ постели, – шутя замѣтилъ Вѣрскій. – Какія черныя мысли! передъ нами разстилается необозримая зала удовольствій: роскошь, нѣга, очаровательныя женщины. Мы будемъ дѣлиться всѣмъ, всѣмъ, даже и наслажденіями. Вѣдь ты мой единственный другъ, Викторъ? Я не измѣнюсь къ тебѣ никогда. Мы такъ же, какъ теперь, будемъ неразлучны. Не правда ли?

– Мнѣ кажется, ты позабываешь, что не всегда одна кровля будетъ соединять насъ. Какой-нибудь домикъ на Пескахъ, вросшій въ землю, слишкомъ далеко отъ грандіозныхъ палатъ Англійской набережной... Зыаешь ли, сколько верстъ разстоянія между ними? Для дружбы необходимо единодушіе, для единодушія – равенство... Раззолоченныя прихоти аристократа не сойдутся съ воздушными фантазіями плебея!

– Между нами нѣтъ никакого разстоянія, никакого различія! – съ примѣтнымъ негодованіемъ воскликнулъ Вѣрскій... – Въ моихъ понятіяхъ существуютъ однѣ только нравственныя границы между людьми... Я знаю, что умъ и глупость никогда не могутъ сойтись. Разсужденія въ сторону, – прибавилъ онъ съ улыбкою. – Если бы какой-нибудь фокусникъ изобрѣлъ нравственные вѣсы и мы захотѣли бы узнать, чей мозгъ потянетъ тяжеле, – право, я остался бы въ накладѣ... Кто жъ, какъ не я, долженъ дорожить послѣ этого твоей дружбой?

– Такъ ты не измѣнишься ко мнѣ, такъ наша школьная дружба не будетъ казаться тебѣ смѣшною?

– Да избавить тебя Аполлонъ отъ такой мысли! Такая мысль недостойна тебя! Ты всегда смотришь на міръ изъ окна пансіона въ радужное стеклышко поэзіи, а на меня вздумалъ смотрѣть въ какія-то закопченныя стекла! Брось ихъ ради Бога! взгляни на меня попрежнему своими глазами, и я вѣрно не буду тебѣ казаться арабомъ.

Мы привели здѣсь этотъ разговоръ для того, чтобы точнѣе показать читателямъ отношенія, которыя связывали Громскаго съ молодымъ графомъ. Наступило время выпуска – и они должны были поневолѣ разстаться: графъ вступилъ въ военную службу; Громскій нанялъ небольшую комнату въ Итальянской улицѣ. Графъ черезъ полгода произведенъ былъ въ офицеры; Громскій продолжалъ свое образованіе въ университетѣ. Графъ на лихой четвернѣ разъѣзжалъ по театрамъ и баламъ, кружился въ вихрѣ большого свѣта и кружилъ другимъ головы; Громскій всякій день, несмотря на дождь и грязь, смиренно проходилъ пѣшкомъ опредѣленное пространство отъ Итальянской до Семеновскаго полка. Черезъ три года послѣ выпуска графъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ своему дядѣ барону М**; Громскій получилъ аттестатъ на званіе кандидата. Графъ пріобрѣлъ много опытности, коротко ознакомься съ свѣтомъ; Громскій остался съ прежними понятіями о людяхъ, потому что онъ такъ же, какъ и прежде, былъ далекъ отъ нихъ. Несмотря на все это, въ свободное отъ занятій время Громскій бывалъ у графа, графъ изрѣдка посѣщалъ Громскаго и одинаково былъ съ нимъ радуженъ. Но Громскій въ роскошномъ кабинетѣ графа, окруженный новыми его друзьями – знатною молодежью, чувствовалъ себя лишнимъ, боялся разстроивать его своимъ появленіемъ, но все не переставалъ любить его по-прежнему. Графъ въ тѣсной и голой комнатѣ поэта былъ какъ бы не на своемъ мѣстѣ, казался озабоченнымъ чѣмъ-то, нѣсколько принужденнымъ. Оба избѣгали разговора, который бы могъ напомнить имъ прежнюю ихъ короткость и оправдать Громскаго, котораго предположенія такъ скоро сбывались.

Онъ не скучалъ въ своемъ уединеніи, потому что ему некогда было думать о скукѣ. Цѣлые дни просиживалъ онъ, углубленный въ чтеніе... Наука широкимъ и вѣтвистымъ деревомъ рас-

кидывалась надъ его головою, и онъ съ наслажденіемъ рвалъ плоды съ этого дерева. Любимымъ поэтомъ его былъ Шиллеръ; онъ изучалъ пламеннаго, вѣчно юнаго, вѣчно восторженнаго выродка изъ германцевъ... Дѣвственная душа его отрадно разнѣживалась гармоніей небесныхъ звуковъ. Онъ дивился могущему, всеобъемлющему гению Шекспира и Гёте; онъ укрѣплялся въ борьбѣ съ исполинами нѣмецкой философіи, заимствуя огъ нихъ стальную крѣпость рѣчи, быстрый лаконическій напоръ идей, и все это закаляя пламенемъ своей души, ярко и блистательно вспыхивавшей. – Время летѣло для него незамѣтно, и уже весеннее солнце 183* года рѣзко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы. Мартъ былъ въ половинѣ. Утромъ 13-го марта Громскій шелъ по Большои Морской... Вдругъ карета, запряженная четвернею сѣрыхъ рысаковъ, съ шумомъ подкатилась къ подъѣзду дома, къ которому подходилъ онъ. То былъ магазинъ Сихлеръ. Ступеньки кареты хлопнули, показалась очаровательная ножка, затянута въ черный атласный башмачокъ, потомъ маленькая свѣтло-зеленая шляпка съ развѣвающейся блондою, подъ шляпкой темная тесьма каштановыхъ волосъ и личико, будто сейчасъ снятое съ картины Рафаэля... Мигъ... Плѣнительная дама вспорхнула на лѣстницу и уже была въ магазинѣ... Громскій, окаменѣлый, стоялъ у подъезда съ помутившимися глазами. Это было чудное, соблазнительное явленіе для затворника. Его идеалы: Теклы, Маріи, Маргариты, Дездемоны, вдругъ затѣснились въ головѣ его, путались, смѣшивались и уничтожались – предъ этимъ живымъ существомъ, предъ этою граціозною, едва мелькнувшею незнакомкою, образъ которой неизгладимо съ перваго мгновенія врѣзался въ растопившееся сердце юноши. Минута любви прозвучала на часахъ его жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.